

4. ~~Кудрявцев М. «Камінний господар» Лесі Українки як українська інтерпретація світової теми / М. Кудрявцев // Українська література в загальноосвітній школі : Науково-методичний журнал. – 2005. – № 5(травень). – С. 15-17.~~
5. ~~Кузьманенко А. "Вічний" сюжет про Дон Жуана в індивідуально-авторських інтерпретаціях Дж. Байрона, О. Пушкіна, Лесі Українки. Автореферат дис... канд. філол. наук / А. В. Кузьманенко. – К., 2007. – 20 с.~~
6. ~~Ненадкевич Є. Українська версія світової теми про Дон Жуана в історико-літературній перспективі / Євген Ненадкевич // Дон Жуан у світовому контексті/ упоряд: Віра Павлівна Агесва – К.: Факт, 2002. – С. 7-40.~~
7. ~~Нямцу А. Загальнокультурна традиція у світовій літературі / А. С. Нямцу – Чернівці: Рута, 1997. – С. 133-152.~~
8. ~~Павличко С. І Прометей, і демон / Соломія Павличко // Дон Жуан у світовому контексті/ упоряд: Віра Павлівна Агесва – К.: Факт, 2002. – С. 161-174.~~
9. ~~Стріха М. Українська прем'єра «Дон Жуана» / Максим Стріха // Дон Жуан у світовому контексті/ упоряд: Віра Павлівна Агесва – К.: Факт, 2002. – С. 245-258.~~

Евгения Митева

КОНЦЕПТ «РЫЦАРСТВО» В КОНТЕКСТЕ АВТОРСКОГО МИФА

М. ЦВЕТАЕВОЙ 1910-х ГОДОВ

Актуальность исследования. В творчестве М. Цветаевой довольно значительный пласт лирики 1910-х годов посвящен Сергею Эфрону. Образ мужа занимает важное место в авторском мифе поэтессы. Следует отметить, что лирика, адресованная С. Эфрону интересна не только с точки зрения реальных взаимоотношений между супругами и их судеб, но и прежде всего в аспекте интерпретации символики, авторских мифологем, мотивного и тематического рядов, а также концептов, которые представлены в этой группе цветаевских текстов. Кроме того, несмотря на попытки изучения концептосферы (В. Маслова) и осмысления отдельных концептов метального универсума поэтессы (С. Фокина), лирика, посвященная Сергею Эфрону, в данном плане не исследовалась.

Цель данной статьи: разностороннее изучение концепта «рыцарство» в раннем стихотворении М. Цветаевой «Я с вызовом ношу его кольцо...» («С. Э.»), которое посвящено Сергею Эфрону, в соответствии с авторским мифом поэтессы 1910-х годов.

Многие ученые, работая с понятием «концепт», накопили значительную теоретическую базу в понимании данного термина и его наиболее важных характеристик. Е. С. Кубрякова в определении концепта акцентирует, что это «некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании» [4, 316]. С точки зрения Ю. С. Степанова концепт – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [9, 43]. Отличительная черта концептов то, что они активизируют свой потенциал, как «интерпретаторы смыслов» [5, 91] и «некие “потенции” значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом» [6, 155].

В осмыслении процесса концептуализации и специфики концепта ценным также стало исследование Н. В. Сподарец, где утверждается, что концепт понимается как ментально-когнитивная единица, «которая в границах словесного знака и языка предстает в своих

содержательных формах образом, понятием и символом» [8]. Показательно и наблюдение С. А. Фокиной, что «...авторский концепт художника слова предстает своего рода ключом к пониманию его эстетической системы, позволяя прочитывать коды, символику, образы и понятия в соотнесении с ментальными показателями, как явно выраженными и манифестируемыми, так и скрытыми и даже зашифрованными» [11, 325].

Не менее важной является особенность концепта получать «генетическое определение», складываясь «из исторически разных слоёв, различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике» [9, 60]. Таким историческим слоем концепта «рыцарство» в цветаевском ментальном мире становится культурный феномен рыцарства, порождённый эпохой Средневековья. Но М. Цветаева переосмысляет генетический показатель данного концепта.

Стихотворение «Я с вызовом ношу его кольцо...» («С. Э.»), включающее в свое название посвящение, было написано 3 июня 1914 года во время одного из пребываний М. Цветаевой в Коктебеле и посвящено любимому и дорогому человеку – Сергею Эфрону. На тот момент они были уже женаты.

Я с вызовом ношу его кольцо
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. –
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями распахнутых бровей –
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна.
– Всем вам, кто жил и умирал без страху. –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху [13, 202].

Встреча с семнадцатилетним Сергеем произошла в Коктебеле, в доме Максимилиана Волошина. М. Цветаева любила находиться в этом городке и «двухмесячное житье в Коктебеле поистине явилось для неё пребыванием в раю. Природа этого уголка на всю жизнь стала “местом её души”» [7, 26]. Чувства, связавшие их, представлялись столь сильными и прочными – любовью на всю жизнь. В письме к Василию Розанову М. Цветаева признается: «Серёжу я люблю бесконечно и навеки...» [16, 120]. В этом же письме поэтесса утверждает, что «за три – или почти три – года совместной жизни – ни одной тени сомнения друг в друге» [16, 121].

Стихотворение «Я с вызовом ношу его кольцо...» – утверждение любви и обет верности мужу. Практически с самого начала обращает на себе внимание обилие символов. Лирическая героиня заявляет: «Я с вызовом ношу его кольцо!». Но почему «с вызовом»?

Очевидно, поэтесса имеет в виду верность и преданность своему мужу. В то же время возникает ощущение предчувствия некой трагичности и даже жертвенности – платы за избранность судьбы обоих супругов. В комментарии к стихотворению, сделанном А. А. Саакянц, сказано: «Кольцо, на внутренней стороне которого выгравирована дата свадьбы и имя Марина, находится ныне в Государственном Литературном музее в Москве; “его” кольцо, с именем Сергей, не сохранилось» [14, 284].

Для зарождающегося мифа М. Цветаевой принципиально акцентирование своей духовной связи с С. Эфроном, взаимного долга хранить друг друга, заданного свыше. Кольцо имеет форму круга и означает бесконечность и непрерывность – в контексте стихотворения вечность любви двух ярких и талантливых людей. Кольцо символизирует «обет супружеской верности» [1, 244], а в подобии своей формы колесу включает в свою символику значение построения «будущего <...> бесконечный цикл обновления, весну» [3, 61]. Кроме того, кольцо – знак духовного богатства и принадлежности к чему-либо. В данном случае принадлежность к рыцарству. Несомненно, образ Сергея Эфрона в этом стихотворении впервые мифологизируется и связывается с темой рыцарства.

Поэтесса проецирует рыцарский кодекс и мифологемы на личность Сергея Эфрона, вернее на то, каким муж предстаёт в её лирике. М. Цветаева, сохраняя ряд показателей культурной модели рыцарства, трансформирует и интерпретирует их, создавая свою модель, которая соответствует установке зарождающегося авторского мифа.

В куртуазной литературе мужчина воспевае возлюбленную. В стихотворении, посвященном С. Эфрону наоборот – жена воспевае любимого мужа. Единение с мужем представлялось в авторском мифе М. Цветаевой еще и своего рода братством, а обручальное кольцо оказывалось предметом, приобщающим своего носителя к рыцарству.

М. Цветаева самобытно интерпретирует кодекс рыцарства. В цветаевском осмыслении концепта «рыцарство» соединяются установка как на противостояние устоям куртуазной культуры, так и следование ряду из них. Безусловно, М. Цветаевой импонирует идея, что в «тонах благочестия и пристойности, сдержанности и верности рисовался прекрасный образ идеального рыцаря» [12, 126], и поэтесса заимствует представления об идеальном рыцаре, вводя как одну из идеологем своего творчества.

Сергей Эфрон обладал романтической внешностью – был высоким и худым, имел огромные глаза и узкое лицо. В своем лирическом послании М. Цветаева сравнивает лицо мужа со шпагой – символом чести и мужества. Признаками лица, которое «подобно шпаге» становятся аскетизм, отрешенность и печаль, что подчеркивает иконописность и принадлежность к высшему. Когда поэтесса пишет: «Безмолвен рот его, углами вниз...», то имеет в виду печаль. Из биографии С. Эфрона известно, что юноша был печален и раним, кроме того зачастую чувствовал себя одиноким человеком. И действительно, кольцо, шпага, печаль являются также атрибутами рыцарства.

Показательно, что в цветаевской художественной системе «поэтический дар, символическим воплощением которого становится Орфей» [10, 73], наделяет своего обладателя предрешенностью страдания и более того, носителю «творческого начала <...> часто придаются черты избранности и мученичества» [10, 79]. Жертвенность и печаль позволяют соотнести в ментальном универсуме М. Цветаевой образ эквивалентный С. Эфрону не только с феноменом рыцарства, но даже, возможно, с Орфеем. Кроме печали с античным певцом С. Эфрона в цветаевском восприятии могли роднить и творческие способности. Известно, что у реального Сергея Эфрона были неплохие литературные данные, впоследствии несколько приглушенные присутствием рядом более сильного поэта.

Среди иных качеств соответствующих куртуазным представлениям следует отметить тонкость, вдохновенность, духовную глубину:

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями раскинутых бровей –
Две бездны.

Ветви указывают на юность и невинность, крылья говорят о свободе и вдохновении, а глаза – это неизмеримая глубина души, пучина эмоций и желаний.

В заключение М. Цветаева утверждает, что «в его лице я рыцарству верна...». Рыцарство способствует «превращению обычного человека <...> в человека духовного» [2, 433], чистого в своих помыслах и устремлениях. Концепт «рыцарство» включает как в свой генетический слой, так и сохраняет в культуре Серебряного века и главное в ментальном мире М. Цветаевой следующие смысловые показатели – отвагу, силу, нравственное совершенство. Смысловая доминанта данного стихотворения заключена именно в этой последней строфе:

В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страху! –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.

В очерке «Нездешний вечер» поэтесса, воспроизводя свою беседу с М. Кузьминым, охарактеризует их общую эстетическую установку. «Всё ради этой строки написано? – Как всякие стихи – ради последней строки. – Которая приходит первой» [15, 282]. Не подлежит сомнению, что смысловым центром стихотворения «Я с вызовом ношу его кольцо...» («С. Э.») является именно последняя строфа.

Подводя итоги, необходимо отметить, что М. Цветаева, интерпретируя концепт «рыцарство», сохраняет основные признаки исторической модели рыцарства. Среди генетических слоев цветаевского концепта можно выделить: доблесть, благородство, избранность, характерные и для средневекового рыцарского кодекса. Интерпретируя концепт «рыцарство», М. Цветаева соотносит его со своим авторским мифом о Сергее Эфроне. Мифологизация личности С. Эфрона и отношений, которые связывали супругов, трансформируют традиционный концепт «рыцарство». Характерной становится идея воспевания не рыцарем Прекрасной Дамы, а то, что лирическая героиня, соотносимая в цветаевском мифе с личностью поэтессы, воспевает мужа, предстающего в ее лирике своего рода рыцарем. Другим показателем трансформации традиционной рыцарской модели является осмысление М. Цветаевой своего супружества как братства. В стихотворение обыгрывается в качестве обета супружеской верности приобщение лирической героини к рыцарству («В его лице я рыцарству верна...»). М. Цветаева не только воспевает, но и любит С. Эфроном, облагораживает его. Стихотворение обыгрывает идею верности рыцарству и мужу, утверждение пронести эту сильную, неисчерпаемую и самоотверженную любовь через всю свою жизнь.

Все вышеперечисленные факты обуславливают своеобразие цветаевского концепта «рыцарство» и символики, связанной в стихотворении с рыцарской темой и образом Сергея Эфрона.

Список использованной литературы

1. Андреева В. Колесо (Кольцо, Круг) / В. Андреева // Энциклопедия. Символы. Знаки. Эмблемы. – М. : Астрель, АСТ, 2004. – С. 240–246.
2. Андреева В. Рыцарь / В. Андреева // Энциклопедия. Символы. Знаки. Эмблемы. – М. : Астрель, АСТ, 2004. – С. 433–434.
3. Бенуас Л. Знаки, символы и мифы; [пер. с франц. А. Калантарова] / Л. Бенуас. – М. : Астрель, АСТ, 2004. – 160 с.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 316 с.
5. Кубрякова Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / [под ред. Е. С. Кубряковой]. – М. : МГУ. Филологический факультет, 1996. – С. 90–105.
6. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия ОРЯ: Серия литературы и языка. – Т. 52. – № 1. – 1993. – С. 3–9.
7. Саакянц А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А. А. Саакянц. – М. : Эллис Лак, 1997. – 816 с.
8. Сподарец Н. В. К проблеме художественной концептуализации феномена человека в лирике Ш. Бодлера и А. Блока [Электронный ресурс] / Н. В. Сподарец. – Режим доступа к ист. : http://journals.uspu.ru/attachments/article/84/Vest_2012_1_1.pdf
9. Степанов Ю. С. Концепт / Ю. С. Степанов // Константы : Словарь русской культуры. – М. : Академический Проект, 2004. – С. 42–83.
10. Фокина С. А. Пушкинские реминисценции в контексте орфического мифа в цикле Марины Цветаевой «Андрей Шенья» / С. А. Фокина // *Nová filologická revue : [ČASOPIS O SÚČASNEJ LINGVISTIKE, LITERÁRNEJ VEDE, TRANSLATOLÓGII A KULTUROLOGII]*. – ROČ. 4, ČÍSLO 2, DECEMBER 2012. – С. 73–81.
11. Фокина С. А. Концепт «ревность» в ментальном универсуме М. Цветаевой / С. А. Фокина // *Слов'янський збірник : [зб. наук. праць] / [відп. ред. д-р філол. наук., доцент О. А. Войцева]*. – Вип. XVII. – Чернівці : Букрек, 2013. – С. 324–332.
12. Хёйзинга Й. Гл. 4 : Рыцарская идея / Й. Хёйзинга // *Осень средневековья* / [сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатели Д. Э. Харитоновича]. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – С. 114–130.
13. Цветаева М. «Я с вызовом ношу его кольцо...» // Цветаева М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1., Кн. 1. : Стихотворения / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1997. С. 202.
14. Цветаева М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1., Кн. 2. : Стихотворения / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1997. – 592 с.
15. Цветаева М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 4., Кн. 1. : Воспоминания о современниках / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1997. – 426 с.
16. Цветаева М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6., Кн. 1. : Письма / [сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина]. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1998. – 336 с.